

Рецензия д. филол. наук, чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова
(Русистика сегодня. 1999. № 1–2. С. 158–163.)

«Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века».
Пробный выпуск: А–А-ю-рей.

*Составители: Е. М. Брейдо, А. В. Гик, В. П. Григорьев,
Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова.
Автор идеи Словаря, руководитель проекта и редактор выпуска
В. П. Григорьев. М.: «Русские словари», 1999.*

Первый выпуск Словаря состоит из следующих частей: Введения (с. 5–19), написанного В. П. Григорьевым: раздела «Как пользоваться Словарем» (с. 20–25); собственно словарных статей на букву А, а их, как сказано в аннотации, 784 (с. 27–82), и трех приложений, которые представляют собой указатели – алфавитно-частотный, частотно-алфавитный и указатель слов-«собственников», т.е. слов на букву А, встретившихся только у одного автора.

Во Введении в сжатом виде нашли обоснование методологические предпосылки Словаря, его источники и конструктивные принципы, а также историческая траектория зарождения, развития, трудного выживания и, наконец, воплощения авторской идеи. Воплощение оказалось далеко не простой задачей, и дело здесь не только во внешних – идеологических и экстралингвистических – трудностях, о которых речь, в частности, идет и во Введении. Не меньшую сложность представляли собой трудности внутренние, то, что называют сопротивлением материала. Проблема заключалась в том, чтобы найти такой способ представления поэтического языка, который позволял бы продуктивно соединить индивидуально-авторское видение и употребление слова в конкретном поэтическом тексте с его жизнью в едином лингвопоэтическом процессе.

Идея ПЯ как самостоятельной ипостаси русского языка, поставленной в один ряд с другими его ипостасями – с русской разговорной речью, с КЛЯ, с Аванесовским понятием Диалектный русский язык и нек. др., эта идея росла в годы работы В.П. Григорьева над известным Проспектом (Словарь языка русской советской поэзии. Проспект, 1965) и нашла завершение в книге «Поэтика слова» (1979). Было ясно, что новый лингвистический объект (НЛО), призванный соединить идею ПЯ с раскрытием семантических и эстетических потенций отдельного слова,

следует строить на лексикографической основе, и в этом смысле опыт словаря «Поэт и слово» (1973) был необходим – и логически и исторически

Я люблю этот словарь, часто обращаюсь к нему по разным поводам, находя интересные сведения и творческие подсказки, но удовлетворяет он меня из-за малого количества материала, но зато структура поэтического языка предстает здесь предельно усложненной, на мой взгляд, эта усложненность – разветвленная и дробная рубрикация, которую удалось реализовать на ограниченном материале (28 стихотворений 12 поэтов), помешала преодолеть сопротивление материала, связанное с его объемом. Здесь есть образцы, есть структура, но нет полной картины поэтико-языкового процесса. Вопрос «как соединить» остается. Потом были пятитомные «очерки истории языка русской поэзии», в которых главным героем становится процесс, динамика ПЯ, представляющая своего рода поэтическую грамматику.

Однако в словаре «Поэт и слово» первая ступенька, ведущая к «новому лингвистическому объекту», была выбрана верно: не отдельные поэтические конкордансы, а их слияние в едином потоке, который должен отразить и лингвопоэтический процесс в целом, и дать место поэтическому портрету каждого отдельного слова. Но такое слияние на основе сложной, разветвленной рубрикации оказалось невыполнимым. Тогда и была рождена идея хронологического конструктивного параметра. На мой взгляд, это гениальное в своей простоте решение: теперь читатель имеет возможность видеть все, охватить поэтический язык полностью (в объеме выбранных источников), и в то же время в его руках оказывается своего рода галилеевский телескоп, позволяющий многократно увеличить масштаб рассмотрения отдельного поэтического слова на фоне многомерного языкового процесса. Дело в том, что мы имеем, по сути, поэтический тезаурус, в котором эксплицируются, дают себя обнаружить как контекстные, так и межконтекстные связи слова. Суммирование последних задает ассоциативное поэтическое поле, а оно и есть тот мостик, который перебрасывается данным Словарем от отдельного слова (точнее сказать – от отдельного словозначения, ибо входом служат именно словозначения) к ПЯ в статике и поэтико-языковому процессу (если он вообще существует?) – в динамике.

Я сделал в скобках оговорку относительно объема выбранных источников. Вопрос объема или количества источников и их выбора всегда будет дискуссионным. Предваряя критические возражения по этому поводу, автор Введения обсуждает так же и этот вопрос. В самом деле, 10

авторов-источников – много это или мало? На мой взгляд, достаточно, чтобы задать все параметры процесса. А доверие к проницательному читателю, читателю-специалисту позволяет отнести эту самую рубрикации, или читателю-специалисту позволяет отнести эту самую рубрикации, или детальную квалификацию каждого употребления, на его счет, как, впрочем, и всегда возможное расширение круга источников, которое легко позволяет сделать принятая простая структура словарной статьи с ее зонами: ЗАГОЛОВОЧНОЕ СЛОВО, ЗОНА ЗНАЧЕНИЙ, ЗОНА КОНТЕКСТОВ, ЗОНА КОММЕНТАРИЕВ И ЗОНА ШИФРОВ.

Здесь я должен сказать несколько слов по поводу моей позиции как рецензента. Рецензия, как правило, должна содержать некоторые оппозиционные идеи, представлять собой, говоря словами В.П. Григорьева, «сшибку мнений». Моя позиция не оправдывает ожиданий читателя Словаря, да, вероятно, и авторского коллектива, ибо я здесь выступаю не как оппонент, а скорее как проponent их идей.

В ряду крупных методологических программ в русистике, реализуемых сейчас, в настоящее время или реализованных совсем недавно (я имею в виду такие, например, программы, как практически уже завершённые – Русская разговорная речь Панова и Земской и Теория Функциональной грамматики Бондарко или находящиеся в стадии разработки – интегральное описание языка Апресяна, семантический словарь и грамматика смыслов Шведовой, Логический анализ языка Арутюновой), в этом ряду методологическая программа В.П. Григорьева «ПЯ и ЛП» (Поэтический язык и лингвистическая поэтика) имеет самую драматичную судьбу. Полагаю, что теперь эта судьба счастливо разрешается создаваемым словарем, за первым выпуском на «А», надеюсь, последуют и остальные – до «Я».

С помощью этого словаря читатель имеет возможность выявить и даже измерить степень самовитости, – так я бы сказал, каждого слова. Эта степень определяется не только сильно отклоняющимся от среднего числом его употреблений. Согласно такому критерию ключевыми на букву А в русской поэзии являются слова Август (встретившийся в источниках 24 раза), Ад (80), Аж (21), Азия (20), Аллея (61), Алмаз (28), Алтарь (30), Альый (102), Ангел (113), Апрель (23), Апрельский (38), Аромат (30), Асфальт (23), Ах (46) и нек. др. (я взял для этого перечня слова с частотой > 30). Со страниц словаря они бьют в глаза читателю и без обращения к частотно-алфавитному индексу: просто резко выделяющимся на фоне остальных количеством цитированных контекстов в соответствующих статьях, но, как я уже сказал, – маркирована не только

высокая и широкая (встречаются во всех источниках) употребительность. Рядом с подобными «поэтическими универсалиями» внимание читателя, естественно, привлекут и «поэтические уникалии», названные в Словаре словами-«собственниками».

Так, человек, хорошо знакомый с русской поэзией, может предположить, что слова Акрополь и Аорист скорее и чаще встретятся у Мандельштама. Словарь подтверждает такое предположение и показывает, что они свойственны только Мандельштаму. А вот предположить, что прилагательное Агатовый, например, принадлежит только Пастернаку, было бы затруднительно, но Словарь такой факт фиксирует. Мы можем догадываться, далее, что слова с корнем Агит- (< агитировать: агитатор, агитаторский. агит-винт, агит-вопрос и т.д.) ближе всего Маяковскому, и действительно, из 11 употреблений 10 слов с этим корнем, 9 мы находим в цитатах из Маяковского, но обнаружить, например, такой интересный факт, что слов Ад в одном контексте со словом Рай представляет собой черту идиостилия, именно Цветаевой, без такого поэтического тезауруса было бы трудно. В самом деле, Рай вместе с Адом в одном и том же контексте встречается однократно, т.е. как бы случайным образом, почти у всех десяти поэтов, а всего насчитывается 8 таких контекстов. Тогда как у одной Цветаевой Словарь фиксирует тоже 8 таких «парных» употреблений, что составляет приблизительно половину всех случаев появления слова АД в ее поэзии. Объяснения этому факту у меня нет. Что это? просто индивидуальная особенность одного автора или проявление специфически женского начала в поэзии?

Здесь невольно возникает сожаление по поводу выбора источников. Авторств-женщин среди источников Словаря всего две: помимо Цветаевой, – Ахматова; поэтому вопрос о «женской поэзии» (а может быть, о «женском» ПЯ?) Словарь вынуждает ставить в стороне.

Продолжая свои рассуждения по поводу открываемой нам Словарем «степени самовитости» поэтического слова, хочу выступить в защиту Ипполита Ипполитыча – личного врага В.П. Григорьева. Ведь чтобы увидеть самовитость и измерить ее степень, нам никак не обойтись без «ипполитычей» как точки отсчета, как нулевого уровня этой самой самовитости. Ведь самовитость, а значит, и данный Словарь, эксплуатирует стандарт, стандартную языковую способность среднего «ипполитыча», используя ее как точку опоры, отталкиваясь от нее для собственного красивого взлета, перечеркивая и сжигая ее в огненных следах своих мощных ракетных двигателей.

Нынешний Ипполит Ипполитыч с его «Волгой, впадающей в Кас-

пийское море», с его стандартно-штампованным языком, расхожими цитатами и даже с «на все готовыми нецензурными выражениями» сидит у нас – в трех томах Ассоциативного тезауруса. Слово *ад* у нашего ипполитыча, а лучше сказать, в массовом сознании, появилось впервые в качестве реакции на слова *мука, мучение, тюрьма* и т.п. Во втором томе его вызвали слова *черт, мученик, ворота* и нек. др., и лишь к третьему тому слово Ад доросло до статуса стимула, создав вокруг себя собственное ассоциативное поле.

Если суммировать все входящие и исходящие связи этого слова в Ассоциативном тезаурусе, с одной стороны, а с другой, – обобщить все его контекстные ассоциаты в Поэтическом тезаурусе» В.П. Григорьева, мы получим весьма любопытную картину. То, что два ассоциативных поля – ипполитычное и самовитое – оказались сопоставимыми по объему, т.е. по количеству входящих в них разных слов, может расцениваться как ничего не значащая случайность. Но содержательные характеристики этих полей, т.е. составляющие их слова, демонстрируют заметный разброс. Прежде всего, стандартность ипполитычного поля проявляется в повторяемости, в повышенной частотности некоторых ассоциаций типа Кромешный, Огонь, Рай, Черт, Дьявол. Все слова самовитого поля отличаются равномерно малой частотой (1–2), и только Рай выбивается из общего ряда, но и то за счет индивидуального пристрастия Цветаевой. Буквальных совпадений ассоциатов в двух сравниваемых полях не более 30%. Это, как правило, слова, обозначающие стандартные аксессуары АДА: мука (муки), провалиться, демон, сад, сатана, жарко, Данте, ворота (врата – в поэзии), жизнь, голод(ный), смерть, грешник, кромешный, котел, кипеть, солнце (солнечный), а также его антоним – рай.

Примерно столько же в сравниваемых полях пар слов, совпадающих на уровне смысла, т.е. синонимов, квазисинонимов, входящих в одно, достаточно узкое семантическое поле, но отличающихся особым поэтическим ореолом (далее первым называю слово, характеризующее массовое сознание, а вторым – поэтическое): огонь – полымя, гореть – пылать, житель (ада) – расселятся (в раю и в аду), стерегут (нас ад и рай) – хранитель (ада), дорога (в ад) – вымощен ад (благими намереньями), бездна – бездонный, костер – дымит (ад), вернуться (из ада) – распростились (с болотистым адом), Чернобыль – цусимского (ада), божья кара, наказание – (человек) заслуживает (ада), видеться (в аду), вместе в рай и в ад; ступень, опуститься, ниже – (в далекий ад) сойдет, покойник – в могилу, в ад; возвратиться (в ад) – я взят обратно в ад, Фаустус – Вергилием в аду, любви (ад) – страсти (ад) и т.д.

И, наконец, около половины составляющих два поля слов расходятся полностью, как расходятся и некоторые оценки и позиции носителей поэтического и носителей массового сознания по поводу ада. Например, в поэтическом языке нет «чертей», тогда как в Ассоциативном тезаурусе для поля *ад* это одно из самых частых слов. Поэтическое сознание бравирует своей небоязнию ада, своим накоротке отношением с адом: не боимся ни ада, ни рая: ад воочию мы видели, геенна не страшна, вхож, как в ад, быть с тобой в аду, знакомый ад, тогда как усредненное сознание реагирует на него чувством страха: страх, страшно, ужас, ужасно, не дай бог. В поэтическом аду царит шум и грохот (топот, голошенье, рев, буря, орудийный, немолчный), массовое представление об аде почему-то обходится без единой семы, намекающей на шум. Современное массовое сознание (по вполне понятным причинам) начисто лишено понятия греха, даже не в религиозном, а в узко этическом смысле, поэтическое же сознание от этого понятия никогда не отказывалось. В поле, отражающем массовое сознание, нет ни сердца, ни души: в поэтическом поле – это важные «действующие лица».

Вместе с тем, в поле зрения нашего ипполитыча попадают несколько интересных ассоциаций, мимо которых, может быть, не прошел бы и поэт, но в поэтическом тезаурусе они, тем не менее, отсутствуют: бессмертие, 666, Лета, преисподняя, сковородка, чадо (как исчадьё). Понятно, однако, что богатство поэтических ассоциаций, именно в этой, различающей два поля части, выступает наиболее ярко. В усредненном ассоциативном поле практически нет эпитетов, а для поэтического языка – это один из главных его инструментов: бездонный, треклятый, серный, далекий, томительный, голодный, черный и мн. др.

Вообще за каждым словом в самовитом словаре проглядывает мир, но мир вовсе не тот, который видим мы с вами повседневно. Это мир особый, мир поэтический, в котором даже имена собственные зачастую ассоциируются с иным знанием, чем в нашей реальности. Так, Африка в поэтическом мире связана не с крокодилами, бананами, пальмами и баобабами, как в Ассоциативном тезаурусе, а с Пушкиным:

Недурен российский классик [Пушкин], Небо Африки своим звавший, невское – проклятым!

Поняв, что ни пеной, ни пемзой – той Африки, – царь-грамотей Решил бы: «Отныне я – цензор Твоих [Пушкин] африканских страстей.

...и на стол вспрыгнувший при самодержце Африканский самовол – Наших прадедов умора – Пушкин – в роли гувернера.

Вы [Пушкин] / по-моему // при жизни/ – думаю – тоже бушевали./

Африканец!

Столь же своеобразен набор прецедентных текстов в поэтическом тезаурусе, достаточно напомнить слушателям интерпретацию «дощатого воздуха» Мандельштама (об этом идет речь и во Введении к Словарю – с. 8).

Большой текст Введения позволил автору затронуть целый комплекс проблем, связанных с подготовкой Словаря и возможностями использования его как исследовательского инструмента. Введение написано в стиле В.П. Григорьева – ярко, выразительно, с очень плотным смысловым рядом, с точностью и убийственной резкостью оценок, что как раз вполне уместно и весьма полезно, особенно для молодого читателя, не слишком хорошо знающего историю замечательных лингвистических идей.

Мне остается завершить свой отзыв выражением чувства удовлетворения от появления в распоряжении филолога-исследователя этого не имеющего аналогов и многообещающего Словаря «Самовитое слово». С его созданием методологическая программа лингвопоэтической школы В.П. Григорьева обретает, на мой взгляд, ту завершенность, которую придает всякой научной школе построение «нового лингвистического объекта».